ДИНАМИКА ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ КАНДИДАТОВ НА ПРЯМЫХ ГУБЕРНАТОРСКИХ ВЫБОРАХ В РОССИИ

УДК 324(1-3)"1995/2018" *ГСНТИ 11.15.85*
ББК 66.3(2Рос-15),131 *Код ВАК 23.00.02*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-65-75

Р. С. Мухаметов
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
AuthorID: 538787

АННОТАЦИЯ: Данная статья посвящена определению динамики уровня конкуренции на губернаторских выборах в России. Несмотря на наличие двух диаметрально противоположных подходов, можно констатировать, что на субнациональном уровне главы субъектов РФ являются высшими должностными лицами, руководителями высших исполнительных органов региональной власти. В исследовании отмечается, что с начала 2000-х гг. роль главного актора региональных политических и электоральных процессов постепенно начала переходить к федеральной власти, которая к концу 2004 г. окончательно изменила баланс сил в свою пользу путем осуществления федеральной реформы, а также партийной и избирательной реформ.

Методы. Институционализм, компаративизм, эффективное число партий (индекс Лааксо-Таагаперы), индекс Херфиндаля-Хиршмана.

Результаты. Результаты исследования показали, что по сравнению со второй половиной 90-х годов наблюдается тенденция к снижению уровня электоральной конкуренции на губернаторских выборах в стране. Была выявлена прямая связь между федеральным присутствием в регионе и степенью электоральной конкуренции на субнациональном уровне. При этом федеральный центр играет роль демотиватора региональной избирательной конкуренции.

Научная новизна. В ходе исследования была выявлена закономерность между уровнем электоральной конкуренции кандидатов на прямых выборах глав регионов и степенью политико-правового присутствия федерального центра в субъектах РФ. По результатам исследования этапы снижения уровня конкурентности прямых губернаторских выборов совпадают с периодами реформирования федеративных отношений, связанными с ограничением региональной автономии: чем она шире, тем выше уровень электоральной конкуренции, и наоборот.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: региональные выборы; электоральная конкуренция; УРФО; губернаторы; индекс Лааксо-Таагаперы; индекс Херфиндаля-Хиршмана, главы регионов.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Руслан Салихович Мухаметов, кандидат политических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620000, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, muhametov.ru@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мухаметов Р. С. Динамика электоральной конкуренции кандидатов на прямых губернаторских выборах в России // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 65—75.

На сегодня существуют две точки зрения на роль и место глав регионов в политической системе страны. Одни считают, что руководители на субнациональном уровне выполняют важную роль в управлении, т.к. они, возглавляя местные политические машины, обеспечивают стабильность режима и поддерживают политический порядок на территории [1, с. 501], особенно в государствах с гибридными режимами. Необходимо отметить, что в современной политической науке существует дискуссия про состоятельность концепта гибридных режимов. Эксперты чаще используют более содержательные понятия, такие как «соревновательный авторитаризм» [2, с. 51–65], «электоральный авторитаризм» [3, с. 36–50], «делегативная демократия» [4, с. 55–69], «дефектная демократия» [5, с. 7–15], «демократура» [6]. Эксперты отмечают, что «их сила (глав регионов. – *Р. М.*) во многом заключается в том, что они реально контролируют местные информационные потоки, избирательные техноло-

© Р. С. Мухаметов, 2019

гии и пропагандистскую работу» [7, с. 138]. Другие полагают, что политический статус губернаторов в российской властной системе становится все более слабым. В рамках политики централизации и построения «вертикали власти» круг их полномочий и неформальное положение последовательно снижаются: главы российских регионов окончательно лишились влияния и превратились в назначенцев, которые не только подчинены федеральному центру, но и зависят в какой-то степени от региональных элит [8, с. 168–173].

Несмотря на наличие двух диаметрально противоположных подходов, можно констатировать, что на субнациональном уровне главы субъектов РФ являются высшими должностными лицами, руководителями высших исполнительных органов региональной власти.

Цель данной статьи состоит в определении как динамики уровня конкуренции кандидатов на прямых губернаторских выборах в России, так и факторов, которые ее детерминируют. Выборку исследования составляют регионы Уральского федерального округа (N=6). Временные рамки включают в себя период с 1995 по 2018 год (с февраля 2005 года и по октябрь 2012 года прямые губернаторские выборы в России отсутствовали). Выбор начальной даты обусловлен проведением в 1995 году первых в регионах УрФО прямых выборов губернатора (Свердловская область). Итоги выборов губернатора Челябинской области, проведенные в апреле 1993 года, не считаются признанными. Верхняя граница хронологических рамок обусловлена окончанием проведения нашего исследования. В качестве эмпирической базы использованы данные электоральной статистики Центральной избирательной комиссии РФ, а также избирательных комиссий субъектов РФ: губернаторских выборов УРФО 1995–2005 и 2012–2018.

В качестве гипотез выдвигаются следующие утверждения:

Гипотеза 1. Уровень электоральной конкуренции на выборах глав регионов был выше во второй половине 90-х годов, чем в 2000-е и 2010-е годы.

Гипотеза 2. Уровень электоральной конкуренции кандидатов на прямых губернаторских выборах в России зависит от степени региональной автономии. Предполагаем, что высокая конкуренция свойственна периодам, когда федеральный центр политически не вмешивается в региональные дела, регионы обладают политической автономией, и уменьшается в периоды, когда Москва концентрирует властные полномочия у себя.

Электоральная конкуренция является одной из характеристик политических систем и режимов. Несмотря на то, что данный термин часто используется в научном дискурсе, его смысловое наполнение отечественные авторы выносят, как правило, за скобки, оставляют без теоретической рефлексии. Отмечается, что «пока еще политическая наука не определилась с содержанием понятия “политическая конкуренция”, то есть с тем, что представляет собой “политическая конкуренция” как феномен, как онтологическая данность» [9, с. 176]. Под электоральной конкуренцией мы будем понимать соперничество кандидатов и/или политических партий между собой за голоса избирателей.

Для оценки уровня конкуренции на выборах необходимо определиться с адекватными данной задаче измеримыми показателями. Обычно для оценки соревновательности выборов оперируют средней численностью выдвинувшихся и зарегистрированных кандидатов на выборные должности, количеством участвующих партий, а также кандидатов-самовыдвиженцев. Однако такой анализ вряд ли позволит сделать качественные выводы и очертить средне- и долгосрочные тренды.

В политической науке существует несколько количественных методик измерения степени электоральной конкуренции [10, с. 19–42; 11, с. 249–252]. Наиболее распространенной является методика количественных оценок. Выраженный в математической формуле критерий, как нам представляется, обеспечивает большую степень объективности, чем опрос экспертов.

Одним из показателей, позволяющих оценить уровень конкуренции, является так наз. эффективное число партий или кандидатов (ЭЧП или ЭЧК). Классическим и широко применяемым является индекс, разработанный Маркку Лааксо и Районом Таагеперой в 1979 году и имеющий следующий вид [12, с. 3–27]: $N = 1/\sum v_i^2$, где v_i – доля голосов кандидата на выборах.

Данный индекс имеет свои достоинства. Он прост в плане вычисления и позволяет делать достаточно широкие обобщения и выводы. Поэтому данный индекс был положен в основу сравнительных исследований политических партий. В то же время у данного индекса существуют определенные минусы, главным из которых является переоценка веса крупнейшей партии. В частности, при его использовании достаточно сложно отличить систему с доминирующей партией от системы с гегемонистской партией. Для устранения этого недостатка российский политолог Григорий Голосов разработал новую формулу вычисления ЭЧП [13, с. 171–192]. В силу того, что перед нами не стоит задача изучения и классификации партийных систем, мы оставим индекс Лааксо-Таагеперы.

Кроме того, для определения уровня электоральной конкуренции применялась формула Херфиндаля-Хиршмана (HHI) [14, с. 761–762]:

$HHI = S21 + S22 + ... + S2n$,

где Si – результат кандидата на выборах, %; n – количество кандидатов.

Итоговый рейтинг конкурентности может быть интерпретирован следующим образом:

10000–7500 – выборы с условной конкуренцией;

7500–5000 – выборы с низкой конкуренцией;

5000–2500 – выборы со средней конкуренцией;

до 2500 – выборы с высокой конкуренцией.

Расчет индекса Лааксо-Таагеперы для уральских регионов представлен в таблице 1.

Из таблицы 1 видно, что среднее значение индекса ЭЧК снижается: в период 1995–1999 годы он был 3,5, 2000–2004 годы – 2,87, наконец, 2012–2018 годы – 1,712.

Расчет индекса Херфиндаля-Хиршмана для субъектов Уральского федерального округа в период с 1995 по 2018 годов представлен в таблице 2.

Как видно из таблицы 2, количество губернаторских выборов с высокой конкуренцией в 90-е годы (при Б. Н. Ельцине) равнялось 3 (42,86 %), со средней и низкой – по 2 (28,57 %). В первый срок президентства В. В. Путина число высококонкурентных выборов составило 2 (28,57 %), средне – 3 (42,86 %), с условной – 2 (28,57 %). Наконец, после возвращения прямых выборов глав регионов в 2012 году состоялись средне- и низкоконкурентных выборов – по 2 (40 % каждый) и с условной – 1 (20 %).

Таким образом, расчеты показывали, что губернаторские выборы были более конкурентными во второй половине 90-х годов, чем в первой половине 2000-х годов, а также то, что уровень электоральной конкуренции кандидатов на выборах глав российских регионов был выше в первую пятилетку «нулевых», чем в 2010-х годах.

На основе проведенного исследования, опирающегося на индекс Лааксо-Таагеперы и формулу Херфиндаля-Хиршмана, была подтверждена первая гипотеза. Для проверки второй гипотезы нам необходимо обратиться к эволюции федеративных отношений в России и рассмотреть изменения отношений по линии «центр–регионы» на выделенных ранее трех временных промежутках – вторая половина 90-х, первая половина 2000-х и 2012–2018 годы.

Таблица 1

Значения индекса Лааксо-Таагеперы для регионов УРФО в период с 1995 по 2018 гг.

	1995	1996	1999	2000	2001	2003	2004	2014	2017	2018
Тюменская область		3,94			2,72			1,32		2,13
Свердловская область	5,72		4,43			4,33			2,41	
Челябинская область		3,36		2,53				1,33		
Курганская область		3,41		3,8			4,22	1,37		
Ханты-Мансийский автономный округ		1,91		1,21						
Ямало-Ненецкий автономный округ		1,9		1,29						
Ср. ЭЧК	3,5			2,87				1,712		

Таблица 2

Значения индекса Херфиндаля-Хиршмана для регионов УРФО в период с 1995 по 2018 гг.

	Тюменская область	Свердловская область	Челябинская область	Курганская область	ХМАО	ЯНАО
1995		1748,4845		2935,5429	5235,8125	5266,9798
1996	2015,2698		2979,7816			
1999		2256,1914				
2000			3949,5714	2631,0635	8249,5941	7767,5382
2001	3682,5572					
2003		2311,23				
2004				1801,6721		
2014	7559,9273		7508,311	7288,0362		
2017		4147,8633				
2018	4704,1815					

Первый этап (1995–1999) характеризуется тем, что у федерального центра отсутствовали сила и политическая воля для установления единых для всех регионов институциональных и политических рамок развития, Москва не имела необходимых административных и иных ресурсов для управления территориями.

Региональные власти обладали политической и административной автономией. Основной закон страны закреплял за субъектами РФ право формировать собственную законодательную базу и самостоятельно устанавливать систему региональной власти. Главы областей и краев добились для себя права избираться на прямых выборах, т.е. получать легитимность от населения, жителей региона. До этого (1995–1996 годов) главы субъектов Федерации (кроме республик) назначались и освобождались от должности Президентом РФ по представлению председателя правительства (история знает исключения из этого правила). С 1995 года руководители регионов стали входить в состав Совета Федерации Федерального Собрания РФ. Назначение и освобождение от должности главных милиционеров в субъектах РФ согласовывалось с региональными властями. Так, начальники ГУВД в регионах назначались на должность и освобождались от нее министром внутренних дел РФ по согласованию с органами государственной власти субъектов РФ. Кроме того, при назначении президентом судей в субъектах РФ требовалось учитывать мнение региональных парламентов. Наконец, у президента отсутствовало право досрочного прекращения полномочий как регионального парламента (так, на 1999 год полномочия регионального парламента могли быть прекращены досрочно только в трех случаях: самороспуск, роспуск главой региона и решение регионального суда о неправомочности состава депутатов регионального парламента), так и право отрешать главу региона от должности (в частности, на 1999 год полномочия российского губернатора прекращались досрочно в следующих случаях: отставка в связи с выражением ему вотума недоверия со стороны регионального парламента; признание судом недееспособным, умершим, безвестно отсутствующим; обвинительный приговор суда; утрата гражданства, а также выезд на ПМЖ за границу).

В этот период политическое присутствие федерального центра в регионах было минимальным. Перед институтом полномочных представителей Президента в регионах стояли всего две задачи – взаимодействие с региональными органами власти и политическими партиями, а также информирование президента о ситуации в регионе. Если говорить о функциях полпредов в тот период времени, то они были следующие:

1) координационная (координирует деятельность территориальных филиалов федеральных органов исполнительной власти);

2) символическая (вручает гос. награды и документы об объявлении благодарности Президента, согласовывает предложения о награждении гос. наградами);

3) организационная (организация общественной приемной президента, но совместно с региональными органами власти);

4) пропагандистская (разъясняет основные направления внутренней и внешней политики, которые определил глава государства);

5) посредническая (вносит предложения и представления, начиная от регионального парламента и заканчивая президентом, в случае принятия региональными органами власти законов, противоречащих Конституции РФ);

6) партиципаторная функция (принимает участие в работе региональных органов власти и в подготовке договоров).

Иными словами, институт полпредства на тот момент был информационно-аналитическим центром, который собирал информацию о значимых событиях в регионе и передавал ее в федеральный центр, а сами полпреды «превратились в придаток губернаторской власти, которая добивалась от центра замены “неудобных послов” на лояльных» [15, с. 6].

Таким образом, из вышеперечисленного видно, что либо федеральный центр (президент) не имел инструментов воздействия на региональные органы власти, либо эти инструменты были ограничены. Получается, что на первом этапе региональные власти пользовались широкой автономией.

Второй этап (2000–2004) отмечен серьезными переменами в отношениях «центр–регионы». Одним из главных направлений внутриполитического курса В. В. Путина было выстраивание «властной вертикали» с целью повышения степени управляемости государством и увеличения контроля центральной власти за ситуацией в регионах. Ведущей тенденцией развития региональных политических процессов на данном этапе стало усиление федерального центра. Кремль поставил задачу интегрировать российское политико-правовое пространство, а также перераспределить ресурсы и полномочия в пользу федерального центра. Вышеназванная задача решалась через проведение «федеральной реформы». Под последней принято понимать следующие мероприятия:

1) главы регионов перестали входить в Совет Федерации. Согласно новому порядку формирования верхней палаты федерального парламента, представитель от регионального парламента избирается депутатами законодательного органа региона, а представитель от исполнительного органа власти субъекта РФ назначается главой региона. Таким образом, в результате реформы из состава Совета Федерации были выведены региональные лидеры и спикеры региональных парламентов и заменены их представителями;

2) в июле 2000 года у региональных органов власти забрали право согласовывать освобождение руководителей органов внутренних дел в регионах. Иными словами, губернаторов лишили формального права защищать «главных милиционеров» в случае, если федеральное МВД решит их снять. В августе 2001 года главы субъектов РФ лишились права на согласование назначений руководителей органов внутренних дел в регионах. Теперь назначение и освобождение от должности осуществляется Президентом РФ по представлению министра внутренних дел РФ. Справедливости ради нужно отметить, что до внесения президенту представления по кандидатуре начальника ГУВД по региону выяснялось мнение губернатора;

3) назначение судей в субъектах РФ производилось Президентом РФ, но уже без учета мнения регионального парламента. Денное решение было оформлено в декабре 2001 года;

4) произошло усиление института полпредства. Было увеличено не только количество, но и качество поставленных перед данным политико-правовым институтом задач:

- представление президенту докладов о ситуации в субъектах ФО;

- организация контроля за исполнением решений федеральных органов государственной власти;

- обеспечение кадровой политики президента;

- организация работы по реализации органами государственной власти основных направлений внутренней и внешней политики.

Полпреды в федеральных округах выполняли такие функции, как:

– координационная (координирует деятельность федеральных органов исполнительной власти);

– символическая (вручает гос. награды и документы об объявлении благодарности Президента, удостоверения, почетные грамоты, согласовывает предложения о награждении гос. наградами, почетными грамотами, благодарностями);

– посредническая (вносит предложения и представления, начиная от регионального парламента и заканчивая президентом, в случае принятия региональными органами власти законов, противоречащих Конституции РФ);

– организационная (организация взаимодействия федеральных органов исполнительной власти с региональными органами, органами МСУ, политическими партиями; организация контроля за исполнением федеральных нормативно-правовых актов, а также за реализацией федеральных программ; организация проведения согласительных процедур для разрешения разногласий между федеральными органами государственной власти и региональными органами власти);

– партиципаторная (принимает участие в работе региональных органов, органов МСУ);

– кадровая (согласование кандидатур на должности, назначения на которые производит президент, правительство).

Таким образом, по сравнению с институтом полпредов в регионах роль представителей президента в федеральных округах изменилась – от наблюдателя до участника (актора) региональной политики. Как отмечают эксперты, «создание института полномочных представителей в федеральных округах усилило позиции центра, его влияние на жизнь регионов» [16, с. 174].

Наконец, президент получил право вносить предупреждения региональному парламенту о принятии им закона, противоречащего ФЗ, и неустранении этой проблемы. Президент получил обязанность вносить в Госдуму законопроект о роспуске регионального парламента в случае отсутствия реакции со стороны данного органа власти на предупреждение президента. Кроме того, глава государства получил право отрешать главу региона от должности в случае неустранения губернатором решения суда о приведении регионального законодательства в соответствии с федеральным.

Таким образом, из вышеназванного видно, что федеральный центр лишал автономии региональные элиты и усиливал свое политико-правовое присутствие в региональных делах.

Сравнение прав и возможностей федерального центра оказывать влияние на региональную ситуацию представлено в таблице 3.

Важно отметить, что реакция на формирование единого правового, экономического, административного и политического пространства, усиление федерального центра со стороны региональной элиты была нейтральной. По крайне мере, как отмечают эксперты, «никакого единого фронта “губернаторской России” против путинского курса не сложилось. Его даже не пытались создать… Все они… понимали, что остановить централизацию нельзя, она объективна, неизбежна и обсуждаться могут только конкретные формы и сроки» [17, с. 69–70]. Можно привести несколько объяснений причин отсутствия противодействия политике строительства «вертикали власти» со стороны глав регионов: отсутствие институтов, способных интегрировать и объединить региональные элиты; прагматизм представителей региональных элит и их убеждение, что индивидуальный лоббизм эффективнее, чем коллективное противостояние; понимание региональными элитами бесперспективности публичного противостояния Москве из-за разности ресурсов политического, экономического, силового и административного влияния; наличие высокого уровня доверия новому президенту [18, с. 23–24].

Таблица 3

Сравнение полномочий федерального центра и регионов

Критерии	1995-2000	2000-2004
Главы регионов	избирались на прямых выборах (жителями региона)	утверждались региональными парламентами
В Совет Федерации входили	главы регионов	назначенные главами регионов лица
Назначение начальников ГУВД в субъектах РФ осуществлял	министр внутренних дел РФ по согласованию с региональными органами государственной власти	президент РФ по представлению министра внутренних дел
Судьи в регионах назначались	президентом с учетом мнения региональных парламентов	президентом
Наличие у президента права отрешить главу региона	отсутствовало	появилось

Необходимо подчеркнуть, что ряд глав регионов (новгородский губернатор М. Прусак, белгородский губернатор Е. Савченко и курганский О. Богомолов) еще до официальной победы В. Путина на президентских выборах 2000 года выступили за сильную централизованную систему государственного управления с сильной вертикально выстроенной исполнительной властью. Они предлагали, например, чтобы главы регионов назначались и смещались президентом с согласия регионального парламента, а также исключить губернаторов и председателей региональных парламентов из состава Совета Федерации [19, с. 1, 4].

Можно обозначить две большие группы факторов, которые способствовали концентрации власти в Москве (в разрезе отношений «федеральный центр – регионы»). Во-первых, существовали «объективные» причины: политика централизации являлась институциональным отражением общественного запроса на стабильность, порядок, «сильную руку». Были и субъективные (политические) причины – политика централизации власти, построения «вертикали власти» была политической местью за вызов, который бросила федеральному центру (Кремлю, правящей элите, «семье» во главе с Б. Н Ельциным, потом его преемником В. В. Путиным) региональная элита («силы децентрализации») на думских выборах 1999 года, оформившись в лево-центристский блок «Отечество – Вся Россия» (мэр Москвы Юрий Лужков, губернатор Санкт-Петербурга Владимир Яковлев, президенты республик Татарстана Минтимер Шаймиева, Башкирии – Муртаза Рахимов, Ингушетии – Руслан Аушев). Хотя справедливости ради нужно заметить, что избирательный блок ОВР выступал за реформы, направленные на укрепление государственной власти, восстановление сильной и дееспособной власти, говорил о необходимости формирования надежной и непрерывной вертикали исполнительной власти, прочно соединяющей федеральный центр с субъектами Российской Федерации и местными властями [20]. Это как раз то, что с мая 2000 года назовут федеральной реформой.

Таким образом, с начала 2000-х гг. роль главного актора региональных политических и электоральных процессов постепенно начала переходить к федеральной власти, которая к концу 2004 г. окончательно изменила баланс сил в свою пользу путем осуществления федеральной реформы, а также партийной и избирательной реформ.

На третьем этапе (2012–2018) произошло утверждение федеральной власти в качестве доминирующего актора в региональной политике. Федеральный центр установил контроль над региональными элитами и региональными политическими процессами.

После 7,5 лет отсутствия прямых выборов глав российских регионов (с января 2005 года по октябрь 2012 года губернаторами становились лица, утверждаемые региональными парламентами по представлению Президента РФ) 1 июня 2012 года вступил в силу закон, их возвращающий. Эксперты, проводящие мониторинг региональных избирательных кампаний и анализирующие итоги голосований, говорят, что:

1) результаты местных выборов во многом утратили интригу, напоминая референдумы (плебисциты) о доверии главам регионов;

2) прямые губернаторские выборы не приносят больших сюрпризов (как правило, во всех регионах уже в первом туре выигрывают действующие региональные руководители или врио);

3) результаты прямых выборов глав регионов определяются не в день голосования, а заранее, в момент ознакомления с окончательным списком участников выборов [21; 22].

Можно обозначить следующие причины снижения уровня электоральной конкуренции, продолжения ранее намеченного тренда.

Во-первых, появление института «муниципального фильтра», т.е. требования ко всем кандидатам представить для регистрации подписи муниципальных депутатов и избранных путем прямых выборов глав муниципальных образований. Общее количество необходимых для регистрации кандидатов подписей местных народных избранников представлено в таблице 4.

Таблица 4

Количество подписей муниципальных депутатов, %

Субъект РФ	Год губернаторских выборов	Количество подписей
Курганская область	2014	6
Тюменская область	2014	5
Тюменская область	2018	5
Свердловская область	2017	7,9
Челябинская область	2014	7

При введении, не говоря уже о действии института «муниципального фильтра», было очевидно, что он непреодолим без поддержки, с формально-юридической точки зрения, депутатов, избранных от партии «Единая Россия», а неформальной – Кремля. Модель управления «партией власти» характеризуется как «внешнее управление» со стороны Администрации Президента РФ: официальное руководство единороссов отвечает за текущий менеджмент, в то время как кремлевские руководители (кураторы внутренней политики) выступают в качестве внешних акционеров партии, которые контролируют принятие стратегических решений. Эксперты сравнивают «партию власти» с фирмой, чьи активы принадлежат не ее менеджерам, а более крупному многоотраслевому холдингу, который нанимает менеджеров и исполнителей и заменяет персонал время от времени [23, с. 135–152].

Институт «муниципального фильтра» действует двумя путями:

1) в качестве непреодолимого барьера для оппозиционных действующему (или врио) губернатору политиков. В рассматриваемых нами регионах не сумел преодолеть муниципальный фильтр на выборах свердловского губернатора мэр Екатеринбурга Е. В. Ройзман;

2) как превентивный инструмент, «страшилка», изначально отпугивающая некоторых политиков. В частности, партия «Справедливая Россия» не выдвинула депутата Госдумы, лидера своего регионального отделения В. К. Гартунга кандидатом на выборах губернатора Челябинской области в 2014 году.

Во-вторых, отсутствие в избирательном законодательстве регионов УрФО института самовыдвижения кандидатов.

Рассмотрев изменения отношений по линии «центр – регионы», можно сделать заключение, что степень региональной автономии на трех временных промежутках была различной – от «губернаторской вольницы» до встраивания глав регионов в систему «вертикали власти».

Таким образом, результаты исследования показали, что по сравнению с 1995–1999 годами наблюдается тенденция к снижению уровня электоральной конкуренции на прямых губернаторских выборах. Проведенное исследование подтвердило, что по мере концентрации власти в Москве снижается и уровень субнациональной электоральной конкуренции. Исследование говорит о наличии прямой связи между федеральным политико-правовым присутствием в регионе и степенью электоральной конкуренции на региональном уровне. Иными словами, этапы снижения уровня конкурентности прямых губернаторских выборов совпадают с периодами реформирования федеративных отношений, связанными с ограничением региональной автономии: чем она шире, тем выше уровень электоральной конкуренции, и наоборот. Федеральный центр играет роль демотиватора избирательной конкуренции на субнациональном уровне. В субъектах РФ, где наблюдалась во второй половине 90-х годов достаточно высокая электоральная конкуренция между кандидатами, в данный период времени она опустилась на несколько уровней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Reuter O. J., Remington T. Dominant Party Regimes and the Commitment Problem: the Case of United Russia // Comparative Political Studies. 2009. Vol. 42. № 4. PP. 501–526.

2. Levitsky S., Way L. The Rise of Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. №. 2. PP. 51–65.

3. Schedler A. The Menu of Manipulation // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. №. 2. PP. 36–50.

4. O'Donell G. Delegative Democracy // Journal of Democracy. 1994. № 5. PP. 55–69.

5. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефект-

ных демократиях // Полис. 2002. № 1. С. 7–15.

6. Шмиттер Ф. Угрозы и дилеммы демократии // Век XX и мир. 1994. № 7–8. [Электронный ресурс]. URL: http://www.politnauka.org/library/dem/schmitter.php (дата обращения 01.05.2019).

7. Барзилов С. И. Губернаторская власть как институт и субъект регионального политического пространства // Регион как субъект политики и общественных отношений. М., 2000. С. 136–142.

8. Соколова Т. В. Феномен губернаторской власти в современных политических процессах: федеральный и региональный уровни // Вестник Пермского университета. Сер. История и политология. 2007. Вып. 3. С. 168–173.

9. Шилов В. Н., Рылкина А. П. Политическая конкуренция: термин, понятие, форма деятельности // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 13. Вып. 19. С. 176–184.

10. Ковин В. С., Петрова Р. И. Методика анализа конкурентности на местных выборах (на примере промышленных «малых городов» Пермского края) Вестник пермского университета. Сер. Политология. 2016. № 4. С. 19–43.

11. Суховольский А. В. Методы оценки уровня конкуренции на выборах (на примере местных выборов в г. Красноярске) // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета. 2006. № 5. С. 249–252.

12. Laakso M., Taagepera R. Effective Number of Parties: A Measure of Application to West Europe // Comparative Political Studies. 1979. Vol. 12. №. 1. PP. 3–27.

13. Golosov G. The effective number of parties: A New Approach // Party politics. 2010. Vol.16. №. 2 PP. 171–192

14. Hirschman A. The Paternity of an Index // The American Economic Review. 1964. Vol. 54. № 5. PP. 761–762.

15. Кистанов В. В. Федеральные округа России: важный шаг в укреплении государства. М.: Экономика, 2000.

16. Дегтев Г. В. Становление и развитие института президентства в России: теоретико-правовые и конституционные основы. М.: Юристъ, 2005.

17. Иванов В. Партия Путина. История «Единой России». М.: ЗАО ОЛМА Медиа Групп, 2008.

18. Чирикова А. Путинские реформы и позиционирование региональных элит // Мир России. 2006. № 1. С. 3–28.

19. И власть, и экономика, и президент на 7 лет // Независимая газета. 25.02.2000.

20. Отечество – Вся Россия, предвыборная программа [Электронный ресурс] // Панорама: офиц. сайт. URL: http://www.panorama.ru/works/vybory/party/p-ovr.html (дата обращения: 02.02.2019).

21. Выборы глав регионов в 2017 году: сценарии кампаний и прогнозы [Электронный ресурс] // Фонд развития гражданского общества: офиц. сайт. URL: http://civilfund.ru/mat/view/105 (дата обращения: 02.02.2019).

22. Итоги мониторинга избирательных кампаний 2012-2017 годов. Аналитический доклад [Электронный ресурс] // Комитет гражданских инициатив: офиц. сайт. URL: https://komitetgi.ru/analytics/3591/ (дата обращения: 02.02.2019).

23. Гельман В. Я. Политические партии в России: от конкуренции – к иерархии // Полис. Политические исследования. 2008. № 5. С. 135–152.

DYNAMICS OF ELECTORAL COMPETITION CANDIDATES IN DIRECT GUBERNATORIAL ELECTIONS IN RUSSIA

R. S. Mukhametov
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia

ABSTRACT: This article is devoted to determining the dynamics of the level of competition in the gubernatorial elections in Russia. Despite the existence of two diametrically opposite approaches, it can be stated that at the subnational level, the heads of the subjects of the Russian Federation are the

highest officials, heads of the highest executive bodies of regional power. The study notes that since the early 2000s, the role of the main actor in regional political and electoral processes gradually began to move to the Federal government, which by the end of 2004 finally changed the balance of power in its favor through the implementation of the Federal reform, as well as party and electoral reforms.

Methods. Institutionalism, comparativism, effective number of parties (Laakso-Taagepera index), the Herfindahl-Hirschman index.

The results of the study showed that in comparison with the second half of the 1990s there is a tendency to reduce the level of electoral competition in the gubernatorial elections in the country. A direct link between the Federal presence in the region and the degree of electoral competition at the subnational level was identified. At the same time, the Federal center plays the role of demotivator of regional electoral competition.

The study revealed a pattern between the level of electoral competition of candidates in direct elections of heads of regions and the degree of political and legal presence of the Federal center in the subjects of the Russian Federation. According to the results of the study, the decrease in the level of concreteness of direct gubernatorial elections coincides with the periods of reform of Federal relations associated with the restriction of regional autonomy: the wider it is, the higher the level of electoral competition, and vice versa.

KEYWORDS: regional elections, electoral competition, UFD, governors, Laakso-Taagepera index, Herfindahl-Hirschman index, heads of regions.

AUTHORS' INFORMATION: Ruslan S. Mukhametov, Cand. Sci. (Political), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
51, Lenina st., Ekaterinburg, 620000, Russia, muhametov.ru@mail.ru.

FOR CITATION: Mukhametov R. S. Dynamics of electoral competition candidates in direct gubernatorial elections in Russia // Management Issues. 2019. № 3 (39). P. 65—75.

REFERENCES

1. Reuter O. J., Remington T. Dominant Party Regulations and the Commitment Problem: the Case of United Russia // Comparative Political Studies. 2009. Vol. 42. № 4. PP. 501–526.

2. Levitsky S., Way L. The Rise of Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. №. 2. PP. 51–65.

3. Scheduler A. The Menu of Manipulation // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. №. 2. PP. 36–50.

4. O'donell G. Delegative Democracy // Journal of Democracy. 1994. № 5. PP. 55–69.

5. Merkel V., Cruassan A. Formal and informal institutions in defective democracies // Polis. 2002. № 1. P. 7-15 [Merkel' V., Kruassan A. Formal'nye i neformal'nye instituty v defektnykh demokratiyakh // Polis. 2002. № 1. S. 7–15.] – (In Rus.).

6. Schmitter F. Threats and dilemmas of democracy // Century XX and the world. 1994. № 7-8. [electronic resource.] URL: http://www.politnauka.org/library/dem/schmitter.php (date of reference 01.05.2019) [Shmitter F. Ugrozy i dilemmy demokratii // Vek XX i mir. 1994. № 7–8. [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.politnauka.org/library/dem/schmitter.php (data obrashcheniya 01.05.2019).] – (In Rus.).

7. Barzilov S. I. Gubernatorial power as an institution and a subject of regional political space // Region as a subject of politics and public relations. M., 2000. P. 136-142 [Barzilov S. I. Gubernatorskaya vlast' kak institut i sub"ekt regional'nogo politicheskogo prostranstva // Region kak sub"ekt politiki i obshchestvennykh otnosheniy. M., 2000. S. 136–142.] – (In Rus.).

8. Sokolova T. V. Phenomenon of gubernatorial power in modern political processes: Federal and regional levels // Bulletin of Perm University. Series History and political science. 2007. Vol. 3. P. 168-173 [Sokolova T. V. Fenomen gubernatorskoy vlasti v sovremennykh politicheskikh protsessakh: federal'nyy i regional'nyy urovni // Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Istoriya i politologiya. 2007. VyP. 3. S. 168–173.] – (In Rus.).

9. Shilov V. N., Rylkina A. P. Political competition: term, concept, form, activities // Scientific statement BSU. Series History. Political science. Economy. Informatics. 2011. № 13.

Vol. 19. P. 176-184 [Shilov V. N., Rylkina A. P. Politicheskaya konkurentsiya: termin, ponyatie, forma deyatel'nosti // Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika. 2011. № 13. VyP. 19. S. 176–184.] – (In Rus.).

10. Kovin V. S., Petrova R. I. Methods of analysis of competition in local elections (by the example of industrial "small towns" of Perm region). Bulletin of Perm University. Series Political science. 2016. № 4. P. 19-43 [Kovin V. S., Petrova R. I. Metodika analiza konkurentnosti na mestnykh vyborakh (na primere promyshlennykh «malykh gorodov» Permskogo kraya) Vestnik permskogo universiteta. Ser. Politologiya. 2016. № 4. S. 19–43.] – (In Rus.).

11. Sukhovolsky A.V. Methods of assessing the level of competition in elections (by the example of local elections in Krasnoyarsk) // Bulletin of the Siberian State Aerospace University. 2006. № 5. P. 249-252 [Sukhovol'skiy A. V. Metody otsenki urovnya konkurentsii na vyborakh (na primere mestnykh vyborov v g. Krasnoyarske) // Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta. 2006. № 5. S. 249–252.] – (In Rus.).

12. Laakso M., Taagepera R. Effective Number of Parties: A Measure of Application to West Europe // Comparative Political Studies. 1979. Vol. 12. № 1. PP. 3–27.

13. Golosov G. The effective number of parties: A New Approach // Party politics. 2010. Vol.16. № 2 PP. 171–192

14. Hirschman A. The Paternity of an Index // The American Economic Review. 1964. Vol. 54. № 5. PP. 761–762.

15. Kistanov V. V. Federal districts of Russia: an important step in strengthening the state. M.: Economics, 2000.

16. Degtev G. V. Formation and development of the Institute of Presidency in Russia: theoretical, legal and constitutional foundations. M.: Lawyer, 2005 [Degtev G. V. Stanovlenie i razvitie instituta prezidentstva v Rossii: teoretiko-pravovye i konstitutsionnye osnovy. M.: Yurist", 2005.] – (In Rus.).

17. Ivanov V. Putin's Party. History of United Russia. Moscow: OLMA Media Group, 2008 [Ivanov V. Partiya Putina. Istoriya «Edinoy Rossii». M.: ZAO OLMA Media Grupp, 2008.] – (In Rus.).

18. Chirikova A. Putin's reforms and positioning of regional elites // World of Russia. 2006. № 1. P. 3-28 [Chirikova A. Putinskie reformy i pozitsionirovanie regional'nykh elit // Mir Rossii. 2006. № 1. S. 3–28.] – (In Rus.).

19. Power, economy, and the President are for 7 years // Independent newspaper. 25.02.2000 [I vlast', i ekonomika, i prezident na 7 let // Nezavisimaya gazeta. 25.02.2000.] – (In Rus.).

20. Motherland – all Russia, election program [electronic resource] // Panorama: official website. URL: http://www.panorama.ru/works/vybory/party/p-ovr.html (date of reference 02.02.2019) [Otechestvo – Vsya Rossiya, predvybornaya programma [Elektronnyy resurs] // Panorama: ofits. sayt. URL: http://www.panorama.ru/works/vybory/party/p-ovr.html (data obrashcheniya: 02.02.2019).] – (In Rus.).

21. Elections of heads of regions in 2017: campaign scenarios and forecasts [electronic resource] // Civil Society Development Fund: official website. URL: http://civilfund.ru/mat/view/105 (date of reference 02.02.2019) [Vybory glav regionov v 2017 godu: stsenarii kampaniy i prognozy [Elektronnyy resurs] // Fond razvitiya grazhdanskogo obshchestva: ofits. sayt. URL: http://civilfund.ru/mat/view/105 (data obrashcheniya: 02.02.2019).] – (In Rus.).

22. The results of election campaigns monitoring from 2012 to 2017. Analytical report [electronic resource] // Committee of Civil Initiatives: official website. URL: https://komitetgi.ru/analytics/3591/ (date of reference 02.02.2019) [Itogi monitoringa izbiratel'nykh kampaniy 2012-2017 godov. Analiticheskiy doklad [Elektronnyy resurs] // Komitet grazhdanskikh initsiativ: ofits. sayt. URL: https://komitetgi.ru/analytics/3591/ (data obrashcheniya: 02.02.2019).] – (In Rus.).

23. Gelman V. Ya. Political parties in Russia: from competition to hierarchy // Polis. Political studies. 2008. № 5. P. 135-152 [Gel'man V. Ya. Politicheskie partii v Rossii: ot konkurentsii – k ierarkhii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2008. № 5. S. 135–152.] – (In Rus.).